

В четверг меня вызвала к себе в кабинет заведующая парикмахерской Галина Валентиновна:

– Анна! Завтра ты едешь на мясокомбинат.

После столь неожиданного заявления я машинально поправила очки и заёрзала на стуле.

Не дав мне опомниться, Галина Валентиновна продолжила:

– Я понимаю, звучит странно: «парикмахер едет работать на мясокомбинат», причём не для того, чтобы делать стрижки работникам мясной промышленности.

– А для чего же ещё? – моё недоумение усиливалось.

– По всем предприятиям нашего города администрация разослала «письма счастья», а в них приказы-просьбы помочь местному

мясокомбинату. Им якобы не хватает рабочих рук. Я остановилась на твоей кандидатуре, ты у нас в коллективе самая молодая, здоровая. Ну не пошлю же я, в конце концов, твою наставницу Надежду Пронину, первоклассного мастера?

– Вот насчёт здоровая вы, Галина Валентиновна, заблуждаетесь. Я как раз приболела, ставлю уколы. Больничный лист брать не стала, в прошлом месяце у меня дочка болела. Я же понимаю: кому понравится работница, не выходящая с бюллетеня?

– Ничего, поставишь укол там, у них тоже есть свой медик. Ну, я до тебя донесла информацию, будь добра, завтра к девяти часам без опозданий.

Вечером, когда я рассказала мужу Васе о приказе заведующей, он удивился и расхохотался:

– Тебя, канарейку пятидесятикилограммовую, на мясокомбинат? Да ты же тяжелей ножниц на работе ничего не поднимала!

– А дома с тобой кто дрова носит и складывает, уголь кидает, огород копает? – обиделась я. – Это ты мне ни разу посуду не помыл, ужин не приготовил, зато я с тобой везде тружусь, как большой мужик.

– Ладно, не заводись, – Вася попытался меня обнять, я вырвалась из его сильных рук. – Почему именно ты?

– А ты вспомни, мой дорогой муж, как тебя, когда мы только поженились, и твоего товарища Петю Сажина отправляли во все «дыры» на вашем заводе как самых молодых работников!

– Ну да, было такое! Спрашиваем: «Почему всегда Сажин и Фомин?» Отвечают: «У вас детей нет». – «Так откуда детям взяться, если нас всё время нет дома?»

Моя пустяковая обида на мужа улетучилась, и, рассмеявшись, я прильнула к нему. Мы сидели на мягком, «пухнatom» диване, по телевизору шёл футбол, Вася покрикивал в острые моменты игры, то отстраняясь от меня, то опять обнимая. Рядом с нами, на краешке кресла, за журнальным столиком, высунув кончик языка от старания, наша

пятилетняя дочка Маша рисовала цветными карандашами в альбоме, изредка поднимая на нас голубые глазки и отбрасывая ручкой выбившиеся из косички рыжие кудряшки. «Пухнатым» диван однажды назвала Машуня, имея в виду его мягкость и пышность форм. А стоящее рядом кресло считала младшим братом дивана. Наша Маша – фантазёрка! Я с нежностью смотрела на дочурку.

– Пап, ты чего так орёшь? – спросила она, когда отец особо сильно ликовал, обрадовавшись очередному голу, забитому в ворота противника его любимой команды.

– Прости, Маня, увлёкся! Дайте мне, девчонки, чего-нибудь пожевать, на радостях аппетит разыгрался.

И, уже обратившись ко мне, спросил:

– А не остались ли у нас после ужина вкусные свиные косточки от тёщиного поросёночка?

– Хорошо вам, мужикам, можно в любое время есть, а женщине всё время приходится думать о фигуре, – с причитанием я отложила в сторону спицы с мотком розовых ниток (я вязала Машуне очередную кофточку) и поплелась на кухню греть жаркое.

За окном стоял декабрьский мороз, а дома было тепло, чисто и уютно. Только думы о завтрашнем дне омрачали моё настроение. Я давно жила по формуле «Счастье – это когда хочется на работу так же сильно, как и домой!» Любила мужа, ребёнка, родителей, обожала свою работу и коллектив парикмахерской. И вдруг моё ощущение гармонии пошатнулось от завтрашней неизвестности.

Дочка уже спала в детской, муж досматривал ночные новости, а я крутилась на широкой кровати, не находя себе места. Сон не шёл. Вася выключил телевизор, прошаркал в тапочках в спальню и с разбега прыгнул рядом со мной.

– Я тут анекдот вспомнил, как раз в тему твоей завтрашней работы. Встречаются русский и англичанин. Англичанин – скотовод, рассказывает: «Чтобы мясо от нашего бычка было нежным и вкусным,

усыпляя животное, мы даём ему слушать классическую музыку». А русский говорит: «А нашу скотину, наверное, взрывают. Приходишь в магазин, а там лежат только головы и копыта».

– Давай, бездельница, выполняй супружеские обязанности и хватит тут страдать, – Вася стиснул меня в объятиях.

В очередной раз я поблагодарила Бога за чувство юмора, которое совпадало в нашей паре и помогало «выруливать» из жизненных перипетий. Посмеявшись, успокоилась и быстро заснула на плече любимого мужа.

Утром Вася отвёл Машу в детский сад, а я ехала на городском автобусе на другой конец города. Мысли о чужом коллективе тревожили – я с трудом переносила новые знакомства. Зато потом, спустя время, «прикипала» всем сердцем к тем, с кем мне было комфортно и приятно общаться.

Выйдя на конечной остановке, пошла вместе с другими в сторону мясокомбината. Тридцатиградусный мороз пощипывал щёки, под ногами скрипел снег.

Я никогда раньше не была на территории предприятия, только однажды мы с Васей заезжали в магазинчик, находящийся при входе, где продавали продукцию мясокомбината – несколько видов колбас: ливерную, варёную, копчёную и полукопчёную. Всё было свежее и разбиралось приезжающими мгновенно, с утра.

За большим застеклённым проёмом проходной-«коробочки» находился худой пожилой мужчина. Он подавал в небольшое окно журнал входящим работникам, они расписывались, молча или пошучивая, кто-то спрашивал дежурного, как дела, особо не ожидая ответа, и все проходили через железную вертушку.

На меня охранник Петрович посмотрел особо пристально, подмигнув, спросил:

– На помощь рабочему классу? Откуда будете? С какого предприятия?

После моего ответа посыпались шуточки. Рядом со мной оказались в этот момент двое мужчин и полная румяная женщина:

– Ааа! Сегодня все домой пойдём крашивые, стриженные, – у женщины, несмотря на её крупную фигуру, оказался необычайно высокий и «тёплый» голос. И улыбка такая мягкая, располагающая к себе.

– Налысо всех, «под Котовского», – похотывал маленький суетливый мужичок.

Эту дежурную шутку не раз слышал каждый парикмахер. Я улыбалась натянуто.

Второй мужчина, возрастом ближе к сорока, блеснул в улыбке фиксами, и, увидев на его пальцах татуировки, я подумала: «Сидел мужичок». А тот, в свою очередь, молча пристально осматривал меня.

Двинулись дальше, за дверьми проходной женщина обратилась ко мне:

– Пойдём со мной, тебе, наверное, в наш забойный цех. Зовут-то как?

Я представилась. Вошли в одну из дверей длинного кирпичного одноэтажного, с высокими «казёнными» окнами здания. Пока протирала запотевшие очки, первое, что почувствовала, – неприятный, непривычный моему обонянию запах. После того как очки вновь сидели на переносице и я была «вооружена» зрительно, в глаза бросилось невероятное количество мух. Мухи? В разгар зимы?

Это была бытовка. Справа от входа – ряд шкафчиков, покрашенных голубой краской, как и панели помещения. Слева – большой обеденный стол, застеленный обшарпанной клеёнкой с подсолнухами, и две деревянные скамейки. В углу подвесной шкафчик с посудой, мойка и небольшой стол, на котором стояли двухконфорочная электрическая плитка, кастрюля, сковорода, чайник. Всё это я увидела, пока топталась у двери, ожидая приглашения хозяек бытовки.

– Раздевайся тут, – подвела меня к пустому шкафчику Сима Максимовна, так звали мою новую знакомую. Обычно не запоминающая быстро имя-отчество, тут я сразу сориентировалась. Мягкое сочетание «сима-ма-кси» запомнилось легко и подходило её красивому голосу.

Рядом у соседнего шкафчика стояла худая, коротко стриженная, повыше меня

ростом женщина, которую я сначала приняла за юношу. «Привет!» – кинула она мне. Голос у неё был низкий, хрипловатый. «Прокуренный», – подумала я и тут же убедилась в своей прозорливости – она держала в руках пачку сигарет и спички. После вышла в тамбур, вернулась быстро, принесла за собой табачный запах. На меня она смотрела исподлобья и, как мне показалось, недоброжелательно.

Я сняла своё любимое драповое пальто цвета мокрого асфальта, шапку из голубой норки, повесила в шкафчик и, не понимая, куда себя деть и как вести, села на краешек скамейки возле стола.

В помещение шумно заходили работницы, поругивали мороз, потопывали ногами, стряхивая снег с валенок. Женщины были «фактурные», крепкие. Как я понимала, работа на «убойном предприятии» требовала физической силы и силы духа. Я на их фоне чувствовала себя «белоручкой-беловшейкой». Глядя искоса на Зину, так звали мою соседку по шкафчику, я пыталась определить её возраст, но он так же угадывался мною с трудом, как и первоначально её пол. Где-то от тридцати до сорока, может быть. А может, меньше. Глядя на жилистые руки, угловатые движения, я подумала, что жизнь, вероятно, не особо её баловала.

Мои мысли прервала одна из подошедших женщин:

– Вот, это тебе, – поставила она рядом со мной чёрные резиновые сапоги и дала в руки серый тяжёлый фартук. Такая амуниция была у всех работниц. Я примерила фартук, перекинув на шею, его завязки оказались на уровне пятой точки, сняла его и села, как все, в ожидании труда. Со вздохом вспомнила свой рабочий фартучек – красный, стильный, с кармашками и множеством зажимов для волос, которые наши мастерицы называли «уточками». Сейчас бы я «порхала» с очаровательной улыбкой среди зеркал с тумбочками, на которых красовался инструмент: многочисленные расчёски, ножницы, фены. В нашем уютном женском зале пахло шампунем, лаком для волос, кра-

сителями и «Локоном»! И хоть запах препарата для химической завивки нравился не всем, я его обожала!

Поморщила нос, ощущая «аромат», в котором пребывала теперь. Посмотрела на себя со стороны «сейчасную» – пришибленную, недоумевающую и чумную от новых жизненных обстоятельств. Смешно... коль не было б так грустно... «Не скули!» – приказала сама себе.

Женщины вскипятили воду, сели пить чай из разномастных чашек и кружек, достав из сумок печенье, конфеты, пряники. На столе стояла «общаковская» ваза со сладостями. У нас на работе тоже имелась таковая, но поменьше и симпатичнее. Я поблагодарила за приглашение «почаёвничать» и отказалась – утром плотно позавтракала, да и, если честно, о еде, глядя на мух, шныряющих повсюду, думалось меньше всего. Аромат свежесваренного чая отвлек немного от отвратительного амбре. Я слушала невольно разговоры чужого коллектива, а думала о своих коллегах. Парикмахерская, в которой работает наш дружный и относительно молодой коллектив, находится в центре, и её услугами пользуются многие жители нашего города. Люблю свою работу и своих девчонок. Все они разные, но за пять лет, что я нахожусь среди них, стали почти родными. Рабочая смена, после которой ощущаешь лёгкую усталость, проходит быстро и весело.

У всех моих коллег по два ребёнка. Я слушаю рассказы мамочек о том, как ребятки играют вместе, шумят, ссорятся, мирятся, и моё желание иметь второго ребёнка только усиливается. К тому же моя дочурка периодически ноет: «Все дети как дети, у них есть братья и сёстры, а я одна играю дома...» Но пока у нас с Васей не получается зачать малыша. «Всеми своё время», – думаю я и вспоминаю о том, что надо поставить укол. Спрашиваю у женщин, как могу пройти в медпункт предприятия.

– А наша медичка заболела, и её никто не заменяет.

– Ширнуться хочешь? – обратилась ко мне Зина, подёргивая плечами. – Подставляй зад, я умею уколы делать, мамашка болела – быстро научилась её колоть.

– Нет, спасибо, – промямлила я. – Укол внутривенный, хлористый.

Я расстроилась: впереди два выходных, и курс лечения почти сорван.

Меня напрягало сидячее безделье. Нервировала Зина с её «блатной» речью и манерами, так не похожими на поведение тех, с кем я работала в парикмахерской. Да, конечно, клиентки были разные, и «Зины» в том числе, но они приходили, обслуживались и уходили, не оставляя в моей голове воспоминаний о себе.

Сейчас я сидела на одном месте, не зная, чем занять руки и как усмирить хаос мыслей, скачущих в моей голове. И не понимала, зачем руководству мясокомбината нужно привлекать со стороны работников, если свои сидят без дела?

Поглядывала изредка на Зину, и в голове мелькало: «Что за жизнь проживает эта странная женщина с фигурой подростка?» Впрочем, чрезмерное любопытство не главная черта моего характера.

В половине двенадцатого раздалась команда: «Подъём!» Все засуетились, стали надевать фартуки и сапоги. В руках у Симы Максимовны поблёскивал огромный нож, она ширкала им по точильному бруску. Я, как все, надела резиновые сапоги. Они оказались размера на четыре больше моего тридцать седьмого. Тяжёлый фартук завязала настырно как свой рабочий, парикмахерский, на талии, нагрудник повис на петле, обнажая чёрную фигуру оленя, вывязанного собственноручно на моём любимом голубом свитере. К слову сказать, вязать я умела и обожала, как и многие девчонки-парикмахеры, в перерывах между клиентами.

Все работницы, и я тоже, прошли в большое помещение. Вскоре я увидела первую подвешенную за задние ноги тушу коровы. Меня тошнило от отвратительного запаха, к которому примешался запах

крови, а от вида окровавленных ножей кружилась голова. Даже представить себе боялась, что происходило там, откуда скользила туша по металлическому кронштейну! Я стояла в «хвосте» процесса обработки бедного животного. Мне дали в руки шланг, и я должна была, подтянув тушу к себе, мыть её струёй горячей воды. Подтащить глыбу мяса не хватало сил и сноровки. Когда туша всё-таки оказалась возле меня, я направила на неё шланг. Часть воды потекла мне в сапоги, потому что завязанный на талии фартук находился на добрый десяток сантиметров выше сапог. Брызги горячей воды отлетали на лицо, запотели очки, повисли на кончике носа. Растопырив ноги в скользких, с хлоплюющей водой сапогах, я крутилась около туши, заходя то с одной стороны, то с другой. Попытка протереть очки правой рукой закончилась неудачей – шланг выпал из левой руки. Сняла очки – стало ещё хуже: ничего не видела, ощущала себя беспомощной курицей. Я готова была заплакать.

Сверху надо мной стояла Зина и материла меня словами, которых не знал даже мой Вася. Она мыла верх коровы, и мои жалкие попытки подтянуть глыбу костей и мяса к себе бесили её.

Но с каждой последующей тушей мои движения становились увереннее. Я уже понимала свою задачу, и мне не хотелось выглядеть белой вороной в коллективе, куда я попала не по собственной воле. Мне было неприятно слышать трёхэтажные маты Зины в мой адрес, но именно они «подстёгивали» меня, как плётка лошадь, которая не умела ладить с наездником.

Почувствовав некоторую уверенность в своих силах, представила картину, как я, нежная, очаровательная женщина выгляжу со стороны, раскорячившись со шлангом в руках. Проглотив комок подступающих слёз, я заготовала, обнажив два ряда белоснежных зубов, которые так нравились моему Васе. Зина, наблюдая сверху за моими телодвижениями, увидев мой оскал, покрутила у виска. «Иди на фиг!» – послала

я её мысленно. Я уже «разошлась» – во мне всколыхнулось чувство собственного достоинства. «Знай наших! Мы тоже не лаптем деланы!»

Когда была помыта последняя туша и я ещё не успела от неё отойти, подбежал «фиксатый» мужик, которого видела на проходной, и большим ножом резанул филейную часть коровы. Так же быстро убежал, спрятав мясо за пазуху. Я недоумённо, с открытым ртом, проводила воришку взглядом. Зина сделала вид, что ничего не заметила, а я внутренним «бабьим» чутьём поняла, что они не просто знакомы. «Подельники-любовники» – мелькнуло в моей голове, но я тут же постаралась забыть всё, что видела. В конце концов я здесь чужачка и не имею права осуждать.

После того как работа была приостановлена, все пошли в бытовку. Наступило время обеда. Одна из работниц суетилась возле большой кастрюли, стоящей на электроплитке. Приятный запах свежего мяса заполнил помещение.

Женщины снимали окровавленные фартуки, мыли ножи, руки по локоть, приводили себя в порядок. Я с трудом сняла сапоги, водой напитались носки, колготки и штаны.

– Ну, ты и дура! – глядя на мои промокшие ноги, презрительно сказала Зина. – На хрен ты фартук на талии завязала? Фигурку показать?

Я разозлилась, захотелось ответить Зине её тоном, но стерпела и спросила:

– А сразу не могла подсказать, как завязать правильно?

– Я чё, обязана за тобой ухаживать?

Пререкалась с Зиной мне не хотелось, и я замолчала. Вскоре позвали всех обедать. У меня всегда был хороший аппетит, но сейчас вид еды вызывал отвращение. Вернее, та обстановка, в которой я оказалась. При этом пустой желудок урчал. Съев несколько ложек мелкой вермишели с мясом, я сложила руки на коленях. Похлёбка была вкусна, но есть я не могла – мелкая мухотня так и норовила упасть в ложку. В конце концов, не умру же я с голода за один

день? Одна из женщин поставила передо мной стакан горячего чая, положив в него пару кусочков сахара из пачки. «Привыкнешь, милая. Человек ко всему привыкает, ко всяким жизненным неприятностям». – «Зачем мне привыкать?» – подумала я, но отметила про себя, что была уже не так напряжена, как утром, переступив порог забойного цеха. Сладкий крепкий чай выпила с удовольствием, поблагодарив заботливую женщину.

Пообедав, вновь сидели в ожидании работы. Неожиданно Сима Максимовна запела, женщины подхватили: «Ой, мороз, мороз...» Я мысленно похвалила себя за то, что «увидела» утром красивый тембр голоса Симы Максимовны. К песнопению у меня особое отношение – с раннего детства, когда обычная электрическая лампочка служила маленькой «звезде» микрофоном, я обожала вокал! Но один маленький нюанс – у меня отвратительный голос. Я это понимаю и пою только в одиночестве. Зато с чувством и громко, как известный персонаж детского фильма Дениска Кораблёв. Но с каким удовольствием слушаю тех, у кого красивые голоса! Наслаждаясь репертуаром песен молодости моих родителей, я закрыла глаза. Старалась ни о чём не думать, но говяжьих туши выплывали назойливым видением.

Послеобеденное время шло, работы не было. Из разговоров женщин я услышала, что по дороге сломался автомобиль, на котором везли вторую партию скота. Надо сказать, я обрадовалась этому обстоятельству, но не подала вида.

Домой приехала в седьмом часу. Вася уже забрал Машу из садика, и они хлопотали на кухне. Муж чистил картошку, Маня ставила на стол тарелки. Я была приятно удивлена, но не подала вида. Дочурка, целуя меня, сморщила носик и спросила:

– Чем от тебя так не вкусно пахнет?

Вася подошёл к нам и расхохотался, зажав нос:

– Не пахнет, Мария, а воняет от мамы.

Я рассердилась на него:

– Ёрничает при ребёнке! «Воняет» им, – бубнила я, слёзы опять просились наружу.

К слову сказать, за шесть лет брака Вася изучил мой эмоциональный характер, его забавляло, как быстро я могла от слёз перейти к смеху и наоборот. Он подтрунивал надо мной, но умел вовремя остановиться, «обезоруживая» мою обиду объятиями и поцелуями.

– Ладно, не бузи, мать. Мы баньку истопили, будем тебя отогревать и отмывать.

Баню всегда топили по субботам. Я обрадовалась, что сегодня Вася нарушил устоявшуюся традицию. С наслаждением забралась на полоч, пахнувший смолой, поддала пару, вдыхая аромат пихтового веника. Жар окутывал меня со всех сторон, пробирался внутрь. С удовольствием поливала себя горячей водой. Прокручивала в памяти сегодняшний день. Он уже не казался мне таким ужасным. Непредвиденное испытание профессией-однодневкой я прошла. Может, на «троечку», да и то хорошо! Что там ещё ждёт меня впереди, в моей жизни? Впрочем, незачем было забегать вперёд. Я смывала с себя неприятный запах, казалось мне, что с мыльной пеной, стекающей с моего тела, «вымывается» из души недоумение, неумение, неловкость и ещё ряд не..., которые я испытала сегодня. Постирала вещи. Похлопала по фигурке круторогого оленя на свитере, когда вешала его на верёвку в предбаннике: «Молодец, дружок!» Весело вбежала в дом, чистая, разгорячённая, довольная. На морозе висели, выветриваясь, мои пальто и шапка.

На кухне ждали муж и ребёнок. Втрём мы ели незамысловатый, но вкусный ужин – отварную горячую картошку со сливочным маслом и хрустели маринованными огурчиками. Вот оно, простое человеческое счастье, когда тебя ждут, заботятся о тебе и любят. Любят такую, какая ты есть. И ты любишь. И нет препятствий, которые нельзя преодолеть.